

Yuri A. Dzitssoity

South Ossetian State University, Tskhinval, Republic of South Ossetia

On the Etymology of the Ethnic Names *Alan* and *Allon*

Voprosy onomastiki, 2019, Vol. 16, Issue 2, pp. 232–258

DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.024

Language of the article: Russian

Дзиццойты Юрий Альбертович

Юго-Осетинский государственный университет, Цхинвал, Республика Южная Осетия

К ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОНИМОВ *Alan* и *Allon*

Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 2. С. 232–258

DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.024

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.024
УДК 811.22'373.6 + 811.221.18'373.6 +
+ 811.221.11'373.6 + 81:39

Ю. А. Дзицойты
Юго-Осетинский государственный
университет
Цхинвал, Республика Южная Осетия

К ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОНИМОВ *ALAN* И *ALLON*

В статье содержится критический анализ исследования А. К. Аликберова и О. А. Мудрака, в котором дается новая этимология этнонима *alan*. Недостаточное знание специальной литературы по иранистике и алановедению, а также исторической фонетики и морфологии осетинского языка привело авторов к ошибочным выводам. В своем анализе авторы опираются исключительно на материал, представленный в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» В. И. Абаева. Между тем в науке неоднократно обсуждались вопросы этимологического родства этнонима *alan* с этническим названием *allon*, встречающимся в языке осетинского фольклора, а также родства этих названий с этнонимом *арий*. Хотя соответствующие аргументы не учтены в обсуждаемой статье, для полноты картины было принято решение рассмотреть и их, так как они содержат критические замечания, нуждающиеся в комментариях. В результате выяснилось, что единственной позицией, которая специально не обсуждалась в ирановедении, является вопрос о соотношении одинарного и геминированного *-l-* в формах рассматриваемого этнонима, на что обратили внимание А. К. Аликберов и О. А. Мудрак. Однако при тщательном анализе соответствующего языкового и фольклорного материала находят свое решение все спорные вопросы. В результате проведенного анализа автор настоящей статьи приходит к выводу о верности традиционной этимологии для этнонимов *alan* и *allon*, а также определяет место данных слов среди самоназваний современных осетин. В статье обсуждаются и некоторые другие этимологии, предложенные авторами рассматриваемой работы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: иранские языки, осетинский язык, аланский язык, этнонимы, этимология, мифология, фольклор.

0.1. Редколлегия журнала «Вопросы ономастики» обратилась к нам с предложением дать экспертную оценку статьи А. К. Аликберова и О. А. Мудрака «Исторические названия *Албания*, *Алуанк* и *Алан* в пространстве кросскультурной коммуникации». Поскольку наши замечания практически не повлияли на позицию авторов, в данной работе мы излагаем их в развернутом виде.

0.2. Предлагая новую этимологию этнонима *alan*, А. К. Аликберов и О. А. Мудрак игнорируют специальную литературу, в которой показано как ираноязычие алан, так и их продвижение на Кавказ с севера [Ньоли, 2002; Алемань, 2003, 27–32].

0.3. В вопросе об этнической принадлежности алан наиболее важное значение имели два фактора: 1) анализ аланской ономастики, 2) указания античных источников на «скифское», «сарматское» или «массагетское» происхождение алан [см.: Миллер, 1887, 75 и след.; Алемань, 2003, 27]. В этом смысле одно из аланских географических названий имеет особую ценность, так как снабжено переводом на греческий язык. «Перипл Понта Евксинского» (V в. н. э.) сообщает, что город Феодосия на аланском, или таврском, языке называется Ἄρδαβδα, что в переводе означает ἑπτάθεος ‘семибожный’ [Миллер, 1887, 76; Абаев, 1949, 155, 167–168; Harmatta, 1970, 58; Алемань, 2003, 147]. Поскольку слово *avd* в осетинском языке означает ‘семь’, а *ard* — ‘божественная (карающая) сила’, уже давно был сделан вывод о том, что аланы говорили на одном из иранских языков, генетически связанном с осетинским.

О месте аланского языка среди языков мира в настоящее время можно судить по памятникам аланского языка XI–XV вв., недавно вновь проанализированным в сборнике [ПАЯП]. Выяснилось, что аланский язык принадлежит к северо-восточной подгруппе иранских языков [Эдельман, 1986, 4; Оранский, 1979, 115; 1988, 72, 166–167, 220; Чёнг, 2008, 9–10].

А. К. Аликберов и О. А. Мудрак полагают, что этническая принадлежность алан, с одной стороны, и происхождение этнонима *alan*, с другой, — это два разных вопроса. При этом они позволяют себе пройти мимо специального исследования итальянского ираниста Г. Ньюли, посвященного содержанию и этимологии этнонима *alan*, а также связанного с ним осетинского термина *allon* [Ньюли, 2002]. Авторы подвергают критике утвердившуюся в науке этимологию рассматриваемого этнонима, опираясь исключительно на работу В. И. Абаева.

1.1. Следует отметить, что вопрос о происхождении этнонима *alan* давно привлек к себе внимание исследователей. В настоящее время большинство ученых сходится на признании в компоненте *al*- рефлекса древнеиранской основы **ariā-* ‘арий’, на которую был наращен либо суффикс прилагательных **-(ā)na*, либо древнеиранская флексия род. п. мн. ч. **-ānām*. Таким образом, мы имеем два близких по форме этимона: **ariāna-* и *ariānām, которые в равной мере должны были привести в древнеосетинском к рефлексу **al(l)ān* [см.: Jacobsohn, 1922, 234; Sköld, 1925, 68; Абаев, 1949, 245–247; Gershevitch, 1955, 486; Бенвенист,

1995, 241; Андроникашвили, 1966, 59, 141; Harmatta, 1970, 78 ff., 92; Герценберг, 1972, 45; Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, 25; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, 755; Оранский, 1979, 11; 1988, 44, 72; Christol, 1989, 30; Knobloch, 1991, 23; Cornillot, 1994, 180; Lebedynsky, 2000, 6–9; Ньюли, 2002, 30; ЭСИЯ, 1, 223–224; NSC, 91, 123; Чёнг, 2008, 210; Alemany, 2014, 144]¹. В. И. Абаев связал с этим этимологом также осетинский этнический термин *allon-billon*, сохранившийся в фольклорном выражении, вкладываемом в уста людоеда, который почуял у себя дома запах человека: *am allon-billony smag cæwu* «здесь пахнет аллон-биллоном» [Абаев, 1, 47–48; 1949, 246; 1995, 675]².

1.2. Этимология этнонима *alan* в целом безупречна, но содержит несколько вопросов, нуждающихся в дополнительных разъяснениях. На слабую аргументированность некоторых положений обратили внимание и авторы рассматриваемой статьи. В частности, неясно двойное *-ll-* в форме *allon* при одном *-l-* в *alan*, не до конца объяснена роль компонента *-billon* в форме *allon-billon*. Есть и другие спорные проблемы, которые А. К. Аликберов и О. А. Мудрак оставили без внимания. Это, во-первых, инициальный долгий *a-* в форме *allon-*, а во-вторых — происхождение конечного *-on/-an*. Однако ни один из перечисленных вопросов не представляет собой непреодолимого препятствия.

1.3. Начнем с мнения Я. Харматты, утверждавшего, что древнеиранский кластер **rj̥* в осетинском языке не может дать рефлекса *l*, а др.-иран. **ariā-* в осетинском языке отразилось якобы в виде *ir-*, откуда и самоназвание осетин *ir* ‘осетины’, *iron* ‘осетин’ [Harmatta, 1970, 79, 105]. Однако В. И. Абаев давно показал ошибочность этого сопоставления [Абаев, 1949, 245], и, вопреки А. К. Аликберову и О. А. Мудраку, мы не видим оснований для возвращения к нему. Этноним *ir* в настоящее время убедительно возводится к др.-иран. **uīra-* ‘мужчина, герой’ [Bielmeier, 1988, 103; Цаболов, 1999, 146–149], точнее, к форме им. п. мн. ч. **uīrāh-* ‘мужчины’ [Чёнг, 2008, 271]³. Что касается развития др.-иран. **rj̥* > осет. *l*, то именно оно является характерной чертой осетинского языка, противопоставляющей его всем остальным иранским языкам, кроме аланского и скифо-сарматского (см. ниже).

¹ Данную этимологию, впервые предложенную Ф. Андреасом [см.: Gauthiot, 1913; цит. по: Harmatta, 1970], обычно приписывают В. И. Абаеву, а в последнее время и профессору Дж. Коларуссо [Литлтон, Малкор, 2007, 81]. Обзор и критику альтернативных этимологий этнонима *alan* см. в [Bielmeier, 1977, 289; Кузнецов, 1992, 6; Алемань, 2003, 29–31; Туаллагов, 2001, 148; Gnoli, 1998; Ньюли, 2002, 31].

² Справедливости ради следует отметить, что с этнонимом *alan* выражение *allon-billon* впервые было сопоставлено в 1912 г. осетинским драматургом Б. Елбыздыхъо [см.: Брыгъиаты, 2, 86]. Это же сопоставление находим в [Миллер, 1, 29].

³ Вопреки А. К. Аликберову и О. А. Мудраку, данная этимология фонетически безупречна. О развитии др.-иран. **uī-* > осет. *i-* см. [Чёнг, 2008, 21]. Дигорская форма *jeron* заимствована из иронской и, стало быть, непригодна для этимологического анализа.

1.4. Следующее возражение касается анлаута рассматриваемого этнонима. Я. Харматта и — независимо от него — О. Семереньи оспаривают связь осетинского *allon*, а также эпического антропонима *Alæg*⁴ с др.-иран. **arja-* ‘арий’ на том основании, что осетинские онимы предполагают древнеиранский этимон с долгим инициальным **ā-*, тогда как этноним **arja-* в иранских языках зафиксирован только с кратким **a-* [Harmatta, 1970, 105; Szemerényi, 1977, 132]⁵. В то же время О. Семереньи признает связь этнонима *алан* (лат. *Alani*) с др.-иран. **arjānām* или **arjāna-* [Szemerényi, 1980, 22].

1.5. В своей этимологии этнонима *allon*- В. И. Абаев отталкивался от древнеиндийских форм этнонима «арий», имеющих как краткий (*aryá, árya*), так и долгий (*ārya*) анлаут. Этого оказалось вполне достаточно для реконструкции двух вариантов рассматриваемого этнонима в праиранском: **arja-* / **ārja-* ‘ариец; иранец’ [см. также: Harmatta, 1970, 29, 78–79; Bielmeier, 1977, 185; Dumézil, 1986, 74, 75; Оранский, 1988, 44; Knobloch, 1991, 23; ЭСИЯ, 1, 222; Gnoli, 1998, 161, 163; Ньюли, 2002, 30–32, 35, 36, 38, 41, 43; NSC, 48, 66, 79, 187]. Второй из этих этимонов реконструирован не столько по аналогии с др.-инд. *ārya*, сколько на основании этимологии В. И. Абаева для осет. *allon* и этимологии Ж. Дюмезиля для антропонима *Alæg*. Происхождение варианта с долгим анлаутом не совсем ясно. Неясны и причины сохранения этой явно инновационной формы только в древнеиндийском и осетинском языках.

1.6. Мы полагаем, что в данном случае сыграла свою роль контаминация этнонима «арий» с древнеиндийским глаголом *áryati* (< и.-е. **or-*) ‘восхваляет’, ‘молит, запрашивает богов’⁶. Отглагольное имя *árya-* означало ‘приносящий жертвы’, ‘тот, кто выжимает или приготавливает сому’, ‘тот, кто воспевает / восхваляет богов’ [Дюмезиль, 1986, 177], т. е. ‘жрец’⁷. А поскольку каста жрецов в арийском обществе считалась самой высокопоставленной [Дюмезиль, 1976, 173], контаминация созвучных **arja-* ‘арий’ и **ārja-* ‘жрец’ была, можно сказать,

⁴ Антропоним *Alæg* и родовое название *Alægatae* с этнонимом «арий» впервые сопоставлены Ж. Дюмезилем [1976, 173; Dumézil, 1986, 74]. Это сопоставление принято большинством исследователей [Mayrhofer, 1953, 53; Bielmeier, 1977, 185; Thordarson, 1989, 478; Ньюли, 2002, 30; Чёнг, 2008, 210; NSC, 48, 66, 79; Russell, 2006, 119]. Еще раньше А. Н. Генко сопоставил имя *Alæg* с этнонимом *alan* [Генко, 1930, 722], что, учитывая этимологию данного этнонима, является первой попыткой связать антропоним *Alæg* с этнонимом «арий». Об антропониме *Alæg* несколько иначе см. [Дзищойты, 2017, 224–228].

⁵ Впоследствии Я. Харматта [Harmatta, 1970, 105] изменил свое мнение, реконструировав древнеиранский этимон **ārya-* (см. ниже). Г. В. Бейли, возводя антропоним *Alægatae* к этимону **arya-*, подает анлаут осетинского слова в виде *āla-* [Bailey, 1980, 241, 247]. Правильная форма приведена на другой странице [Ibid., 254].

⁶ Возможность контаминации не исключал и Ж. Дюмезиль, когда в поисках исходного значения рассматриваемого этнонима, а также путей его семантической эволюции писал: «Наконец, надо напомнить, что [древнеиндийские. — Ю. Д.] *ari* ‘арийское сообщество’ и *ari* ‘враг’ могут случайно оказаться просто омофонами» [Дюмезиль, 1986, 192].

⁷ Санскр. *ārya-* иногда переводят и как ‘нищий монах’ (*beggar monk*) [Harmatta, 1970, 67].

неизбежной [Дзицойты, 2017, 224–228]. Приблизительно такой же сценарий следует предположить и для древнеосетинского языка. Представители фамилии *Alægatae* в Нартовском эпосе выполняют именно жреческие функции, поэтому антропоним *Alæg* вполне может восходить к прототипу **ar̥iā-* ‘жрец’ + суфф. *-ka*. Стало быть, анлаут этнонима *allon-* был выровнен по апеллятиву **ar̥iā-* ‘жрец’.

1.7. В то же время в языке осетинского фольклора этноним «арий» сохранился и с кратким анлаутом. Форма *aellon* представлена в варианте упомянутого выражения *aellony tæf* ‘запах аллона’ [ИАА, 520], *aellony smag* ‘то же’ [ХИФ, 413]⁸. Краткий анлаут представлен и в композите *aecægælon* ‘чужой, чужак, посторонний’ из др.-иран. **haδjaka-ar̥iāna-*, букв. «истинно чужой», где компонент **ar̥iā-* ‘чужой’, как полагают, этимологически связан с этнонимом **ar̥iā-* ‘арий’ — оба они восходят к арийскому **ari-* ‘чужой’. Значение ‘чужой’ у арийского **ari-* сохранилось исключительно в древнеиндийском и осетинском языках [Абаев, 1, 101; 1995, 671–676; ЭСИЯ, 1, 222]. Если к этому добавить еще и факт сохранения в этих же (и только в этих!) языках краткого и долгого анлаутов у этнонима «арий», то можно говорить об эксклюзивной осетино-индоарийской изоглоссе⁹. Таким образом, на осетинской почве представлены следующие рефлексy этнонима «арий / иранец»: *allon-* / *aellon* / *-ælon*.

1.8.1. Но дело этим не ограничивается. В языке осетинского (дигорского) фольклора находим еще и форму *jelon* [ПНТО, 114–115], в которой справедливо видят прилагательное со значением ‘аланский’ [Там же, 409]. Эта форма также может быть возведена к исходной форме *ælon*.

1.8.2. Чтобы понять появление формы *jelon*, следует учесть, во-первых, соответствие иронских *æ-* и *a-* дигорскому *e-* в таких словах, как *ævdælyn* || *evdælyn* ‘быть праздным, незанятым’, *ævžid* || *evged* ‘порука’, *aryn* || *jerun* ‘находить; рожать’ и пр.; во-вторых — соответствие *jæ-* / *(j)e-* в иронском диалекте: *jæfs* / *(j)efs* ‘кобыла’, *jæw* / *(j)ew* ‘просо’, *jæxs* / *(j)exs* ‘плеть; кнут’ и пр.

1.8.3. Происхождение иронско-дигорского соответствия *æ-*||*e-* и *a-*||*e-* не совсем ясно. Однако соответствие иронских *jæ-* / *(j)e-* исторически прозрачно ввиду этимологической ясности соответствующих слов: формы с *(j)e-* вторичны, а формы с *jæ-* первичны. Нет сомнений в том, что *-e-* в кластере *(j)e-* появилось из *-æ-* под влиянием соседнего *j-*. При этом инициальный *j-* в одних случаях является этимологическим (*jæw* < др.-иран. **jauca-* [Абаев, 1, 563–564; ЭСИЯ, 4, 115]),

⁸ Любопытно, что редактор А. А. Тибилов вынужден был пояснить выражение *aellony smag* более обычным и понятным *allony smag* [ХИФ, 610].

⁹ Обсуждая семантику осетинских слов *ærvad* ‘брат; член родового объединения’ и *æfsytaer* ‘единоутробный брат’, Ф. Тордарсон пришел к выводу о сохранении в осетинском языке индоевропейских архаизмов, утраченных в остальных иранских языках [Thordarson, 1986, 280]. Консерватизм осетинского языка он объясняет двумя причинами: во-первых, ранним отрывом предков осетин от остального иранского мира [Ibid.], а во-вторых — престижем осетинского языка на Северном Кавказе в средние века [Ibid., 285].

а в других — протетическим (*jæfs* < др.-иран. **aśuā-* [Абаев, 1, 563; ЭСИЯ, 1, 243]). Следовательно, и в слове *jelon* инициальная группа *je-* может восходить к протетическому *j-* + *æ-*.

1.8.4. Протеза *j-* зафиксирована в некоторых говорах иронского диалекта¹⁰ и в яском диалекте аланского языка. Ср. яск. *jajka* ‘яйцо’ при совр. ирон. *ajk*, дигор. *ajkæ* ‘то же’; этноним *jas* при более обычном *as* ‘асы (= часть алан)’ — именно эта, яская, форма вошла в русский язык: *ясун* [Gershevitch, 1960, 595]. Кроме того, в языке осетинского фольклора зафиксировано слово *jeldyr* / *jeldar*, которое, по мнению Б. А. Алборова, тождественно слову *aldar* ‘господин’ [Алборов, 1979, 107, 111].

1.8.5. Таким образом, протетический *j-* появляется как перед *a-*, так и перед *æ-*. Однако кластер *ja-* почти никогда не переходит в *je-*, тогда как кластер *jæ-* почти регулярно изменяется в *(j)je-*. Следовательно, форму *jelon* можно возводить к *jælon, а в этой форме можно выделить протезу *j-*¹¹ и этноним *ælon.

1.9. Четвертая форма — *wallontæ* — также представлена в языке фольклора. Решив усыновить похищенного ребенка, один из великанов так обращается к своим братьям: «*Wallontæj asu læppu næxicæn sxæssæm*» <Давайте оставим у себя на воспитание этого мальчика из (племени) уаллон> [ХИФ, 231]. В примечании к этому тексту А. А. Тибилев пишет, что *wallontæ* употребляется в нем вместо *allontæ* и тождественно обычному *allon-billon* [Там же, 607]. Эту интерпретацию безоговорочно приняли Б. А. Алборов и А. Х. Бязырты, добавив, что протеза *w-* иногда появляется и в других осетинских словах [Алборов, 1979, 177; Бязырты, 1993, 16]. Однако в большинстве приводимых ими примеров речь идет об утрате этимологически оправданного инициального *w-*. Не исключено поэтому, что начальный *w-* появился в результате контаминации этнонима *allon* с каким-то другим словом¹². Отметим, что этноним *wallontæ* отличается от осет. *allon* еще и наличием суффикса множественности *-tæ*. Таким образом, созвучие форм *wallontæ* и *allon* может оказаться случайным. Возможно, перед нами рефлекс др.-иран. **uāriāna-* ‘жители укрепления / крепости’, производного от др.-иран. **uāra-* ‘защита; укрепление’.

1.10. Наконец, еще один рефлекс этнонима «арий» на осетинской почве усматривают в слове *xwumællæg* ‘хмель’ из др.-иран. **xauma-arijaka-* ‘арийская

¹⁰ Ср., например: *jaj* ‘это, этот’ [Хьодзаты, 2011, 54] вместо *aj* и др.

¹¹ Начальный *j-* может восходить и к определенному артиклю *i*, как это имеет место в некоторых других словах [см.: Чёнг, 2008, 125]. Я. Харматта полагал, что др.-иран. **ary-* в некоторых сарматских говорах отразилось в виде *il-* [Harmatta, 1970, 81]. Однако осет. *jelon* вряд ли относится к числу приведенных им слов.

¹² В языке осетинского фольклора встречается выражение *wallon biræġ* ‘волк, (отделившийся от) стаи’, ‘волк-одиночка’ [ХИФ, 270; ИАС, 2, 645], обычно употребляемое в форме *ballon biræġ* [Абаев, 1, 232]. Возможно, это омоним рассматриваемого нами слова. Зафиксирован также вариант *wallon biræġ* [Нарты, 1, 146].

хаума' [Абаев, 4, 261–262; Стеблин-Каменский, 1982, 57; Cornillot, 1994, 184 ff.; ЭСИЯ, 1, 223]¹³.

Добавим к этому, что эпитет «арийский» видят также в осетинских теонимах *Burxor-Aly* || *Borxwar-Ali* 'божество хлебных злаков и урожая' [Абаев, 1, 273–274]¹⁴ и *Kwyrdalægog* || *Kurd-Alæ-Wærgog* [Абаев, 1, 610; 1949, 156, 592–594; Cornillot, 1994, 176 ff.].

1.11. Подводя итоги сказанному, можно констатировать наличие двух вариантов этнонима «арий» на древнеосетинской почве и, соответственно, двух рефлексов в современном осетинском языке: **arĭa-* (> осет. *ællon*, *-ælon*, *-ællæg*, *jelon*) и **ārĭa-* (> осет. *allon*). Первая из этих форм древнее как по форме, так и по значению, а вторая является ее дериватом, возникшим в результате контаминации со словом **ārĭa-* 'жрец'. Менее вероятно, но не исключено отнесение к этому же гнезду таких осетинских слов, как *wallon(tæ)*, *Alæg* (> *Alægatæ*), (*Kurd*)-*Alæ*-(*Wærgog*) и *Burxor-Aly* || *Borxwar-Ali*.

2.1. Обратимся теперь к вопросу о распределении *-ll-/-l-* в рефлексах рассматриваемого этнонима.

2.1.1. Хорошо известно, что древнеиранский кластер **rĭ* в осетинском языке отразился в виде *l(l)* [Миллер, 1887, 83; Абаев, 1949, 214, 245–246; 1965, 36; Gershevitch, 1955, 486; Бенвенист, 1965, 43; Оранский, 1979, 11; Эдельман, 1986, 78; Thordarson, 1989, 464; Christol, 1989, 10; Чёнг, 2008, 211; Bielmeier, 2011, 187–188]. В то же время никто из ученых не уточнил, в каких именно случаях кластер **rĭ* преобразуется в *ll*, а в каких — в *l*. По мнению Дж. Чёнга, др.-иран. **r* перед **i/*ī*, **ĭ* в осетинском отражается в виде *l* [Чёнг, 2008, 33, 137]. Оспаривая этимологию В. И. Абаева для слова *хуымæллæg* 'хмель', Дж. Чёнг пишет: «из **arĭ aka-* <...> мы бы скорее ожидали *†ællæg* с одиночным *-l-*» [Там же, 355]. Однако этноним *allon* вслед за В. И. Абаевым он возводит к этимону **ārĭānām-* [Там же, 210], никак не оговаривая наличие в нем двойного *-ll-*. Ф. Тордарсон, утверждая, что древнеиранский кластер **ri/*ry* в осетинском дает *l*, приводит иллюстративный материал, в котором находим и осет. *aly* || *ali* 'каждый' [Thordarson, 1989, 464]. При этом он оставляет без объяснения такие варианты данного слова, как *ally* || *alli*¹⁵.

2.1.2. Неясно и то, почему в ряде случаев в одних и тех же словах находим то одинарное, то двойное *l* — ср., помимо пары *aly* / *ally*, еще и *alaj-bulaj* 'припев свадебной песни' рядом с *allaj-bullaj* 'то же'. Ср. также следующие пары

¹³ Возражения А. К. Аликберова и О. А. Мудрака против данной этимологии неубедительны: др.-иран. **au* перед носовыми дает в осетинском *(w)y/u* [Абаев, 3, 198; Чёнг, 2008, 24], а не *u/o*.

¹⁴ Г. В. Бейли сопоставил компонент *-Aly* || *-Ali* в этом теониме с созвучным компонентом в эпическом родовом названии *Alægatæ* и нарицательном *ældar* 'правитель' [Bailey, 1980, 241].

¹⁵ Утверждение Дж. Чёнга об отсутствии в иронском диалекте осетинского языка формы *ally*, которую В. И. Абаев якобы извлек по ошибке из работы В. Ф. Миллера [Чёнг, 2008, 211], не соответствует действительности. Форма *aly* существует реально [см.: Алборов, 1979, 157].

осетинских слов¹⁶: *bal* ‘военная партия, группа; стая (волков)’ — *ballon* ‘волк из стаи’, *dæl(æ)* ‘внизу, под’ — *dællag* ‘нижний’, дигор. *dællæj* ‘снизу’, *fal(æ)* ‘по ту сторону; за’ — *fallag* ‘противоположный; на той стороне находящийся’, *wæl(æ)* ‘на, над, наверху’ — *wællag* ‘верхний’, дигор. *wællæj* ‘сверху’, *xoly* || *xwali* ‘падаль’ — *xollag* || *xwallag* ‘корм; пища’ и др.

Как видно из этих примеров, одинарный осет. *l* из др.-иран. **rĭ* появляется прежде всего в абсолютном конце слова, а двойной *ll* характерен для интервокальной позиции. Следовательно, конечный *-æ* в формах *dælxæ*, *falæ*, *wælxæ* (наряду с *dæl-*, *fal-*, *wæl-*) — это парагога [Чёнг, 2008, 292]. Отсюда можно было бы сделать вывод о том, что и во всех остальных словах, оканчивающихся на *-l* < **rĭ*, раньше было двойное *-ll*, но после падения тематических гласных гемината *-ll*, оказавшись в абсолютном конце слова, упростилась в *-l*. Т. е., например, осет. *næl* ‘самец’ (< **narĭa-*) раньше имело форму **nællæ*, осет. *mal* ‘омут; глубокая стоячая вода’ (< **mārĭa-*) — форму **mallæ* и т. п. Падение тематического гласного привело к промежуточным формам **næll*, **mall* и пр., которые со временем упростились в *næl*, *mal* и пр. Следовательно, пара *bal* ‘стая’ — *ballon* ‘из стаи’ в прошлом также выглядела как **ballæ* ~ *ballon*. На этом этапе соответствие между плавными было закономерным, но после падения тематической гласной и преобразования **ball* в *bal* установилось новое соответствие *bal* ~ *ballon*, где соотношение между плавными стало незаконным: прилагательное на *-on* от современной формы *bal* вполне могло бы выглядеть как **balon*, подобно тому как от *syl* ‘женщина’ имеем *sylon* ‘женский’, а от *byl* ‘губа’ — *bylon* ‘губной’.

2.1.3. В. И. Абаев полагал, что удвоение конечного согласного в формах типа *dællag*, *fallag*, *wællag* произошло вследствие наращенного суффикса *-ag*; по его мнению, такой же способностью обладает и суффикс *-on* [Абаев, 1970, 676–677]. Однако здесь какое-то недоразумение. Существуют сотни прилагательных на *-on* — как древних (*byron*, *faron* и т. п.), так и новых, конечный согласный в которых не удвоен [ИИД, 131–144]. Единичные исключения из этого правила в каждом случае требуют объяснения¹⁷. Что касается суффикса *-ag*, то и он весьма избирательно удваивает согласный ауслат. Например, производное от *wyryz* ‘русские’ имеет удвоенный ауслат *wyryssag* ‘русский’, но в производном от *kusyn* ‘работать’ его нет: *kusag* ‘работающий’, *kusæg* ‘рабочий’. Далее, по В. И. Абаеву, от *waryn* ‘идти дождю’ имеем **warron* > *wallon* ‘дождевой червь’ [Абаев, 4, 47], а от глагола *baryn* ‘прощать’ — *baron* ‘прощающий, снисходительный’. В чем причина этих расхождений?

¹⁶ В этих примерах *-l* и *-ll*, согласно В. И. Абаеву и Дж. Чёнгу, происходят из древнеиранских кластеров **-rĭ-/*-ri-*. Слова с сомнительной этимологией в настоящий список не включены.

¹⁷ Например, *fazzon* ‘близнец’ от *faz* ‘половина; сторона’ [Абаев, 1, 426–427], возможно, не из **pāza-* + *-aĭā-na*, а из **pāz-ĭā-* + *-na*.

На основе того, что в ряде случаев наращение суффикса *-ag* приводит к *j*-эпентезе (ср.: *sær* ‘голова’ > *sæjrag* ‘главный’ [Абаев, 1970, 677] и пр.), было высказано вполне правдоподобное предположение о наличии в осетинском языке двух разных суффиксов *-ag*, один из которых через этап **-ĭag* < *-ajāg* восходит к др.-иран. **-ajāka-*, а другой — к др.-иран. **-āka* [Миллер, 1962, 148–149; Чёнг, 2008, 157–160]¹⁸. Т. е. к одним основам присоединяется суффикс **-ĭag*, приводящий либо к геминации конечного согласного, либо к эпентезе (точнее, к метатезе; этим объясняется, например, наличие у слова *wællag* ‘верхний’ варианта *wæjlag* [Абаев, 4, 68], а также различия в формах *xollag* ‘корм’ и *xojrag* ‘пища’ [Там же]), а к другим основам присоединяется суффикс *-ag*, откуда *xærag* ‘любящий поест’ и пр.

В осетинском языке, однако, нет двух суффиксов *-on*, и, в частности, нет суффикса, восходящего к др.-иран. **-ajāna*¹⁹. Поэтому суффикс *-on* не удлиняет конечный согласный основы. Следовательно, и слово *wallon* ‘червь’ не из **warron*, как считал В. И. Абаев, а из **uārĭāna-* ‘нечто, относящееся к дождю или связанное с дождем’. Соответственно, и *syvællon* ‘ребенок’ — не из **syværron* от *syvær* ‘uterus’ [Абаев, 3, 213], а из **subarĭāna-* ‘нечто, относящееся к материнскому чреву’. Ср. относящийся к этому же ряду этимон **subarĭaka-*, реконструированный В. И. Абаевым для сарматского имени *Συβλαγος* [Там же]. Тем самым перед нами два очередных примера на *-ll-* из **-rĭ-*.

2.1.4. Как было сказано выше, одна из причин упрощения **ll > l* заключается в падении тематических гласных. Наглядным подтверждением сказанному служат формы теонима ‘Святой Илья’ — *Wacilla* (< **Wac Elia*) || *Wacelia*, *Wacella* [Абаев, 4, 31]. В Нартовском эпосе этот теоним представлен и в качестве имени одного из эпизодических героев — *Wacil* [НК, 5, 544]. Этот пример полезен вдвойне. Во-первых, он дает абсолютно неоспоримое свидетельство того, что *-ll-* появилось в результате прогрессивной ассимиляции из *-lĭ-*. Во-вторых, мы видим, что двойное *-ll-* существует в интервокальной позиции, но, как только конечное *-a* пало — очевидно, по причине смещения данного онима из сакральной сферы в обыденную, — конечное *-ll* упростилось в *-l*. Поэтому В. И. Абаев прав, допуская существование рядом с формой *xwumællæg* || *xumællæg* ‘хмель’ форму без суффикса *-æg* с одинарным *-l* — **xumæl*²⁰. Из последнего, как он полагает, происходят названия хмеля в тюркских, кавказских, европейских и финно-угорских языках [Абаев, 4, 261–262]. Вполне правдоподобна также догадка о позднем наращении форманта *-on* на основу **æcægæl* в слове *æcægælon* ‘чужой’ [Там же, 1, 101].

2.1.5. Таким образом, наиболее реалистичная схема преобразования **rĭ > l* предполагает палатализацию **rĭ > *r'ĭ > *lĭ* [Эдельман, 1986, 78; Чёнг, 2008,

¹⁸ Возражения В. И. Абаева против данной гипотезы [Абаев, 1960, 143–144] неубедительны.

¹⁹ Зафиксирован ныне непродуктивный сложный суффикс *-oj||-ojnæ* < **-āna* + **-ĭā* [Чёнг, 2008, 160, 188–189].

²⁰ Форма *xwumæl* зафиксирована в топонимии Осетии: *Xwumæl ugærdæn* ‘Хмелевое поле’ [Хъайтыхты, 2008, 266].

137], за которой непременно должна последовать ассимиляция $*l\grave{i} > ll$ [Абаев, 1, 47]²¹, — иначе невозможно понять исчезновение сегмента $*-j-$. Поэтому нам трудно согласиться с мнением А. А. Зализняка, утверждавшего, что в скифском языке *r* перед *i*, у переходит в *l*, а затем у утрачивается, после чего *l* становится фонологически самостоятельным [Зализняк, 1963, 22]. Откуда видно, что сегмент $*-j-$ утрачивается? И как с этим утверждением согласуются примеры, в которых $*rj$ отразилось в виде *ll* (см. выше)?

2.2. На наш взгляд, исходить следует из возможности ассимиляции $*l\grave{i} > ll$, а вопрос об упрощении $ll > l$ нужно рассматривать отдельно. Чтобы понять это упрощение, следует вернуться к вариантам слова *aly, ally* || *ali, alli* ‘всякий’. В этом ряду форма с двойным *-ll-* (во всяком случае, в иронском диалекте) воспринимается как эмфатический вариант к форме с *-l-*. Возможно, именно это и стало причиной сохранения обеих форм: первая из них (*aly*) приобрела статус нейтрального слова, а вторая (*ally*) — стилистически окрашенного. Дело в том, что геминаты, в частности *-ll-*, свойственны фонетической структуре звукоподражательных и звукоизобразительных слов осетинского языка [Абаев, 1956, 418]. Что касается других примеров, то, оставив в стороне слова с неясной этимологией (*fællajyn* ‘уствовать’, *fælløj* ‘труд’, *nyllæg* ‘низкий’, *tillæg* ‘урожай’ и др.), на которые в первую очередь ориентируются А. К. Аликберов и О. А. Мудрак, мы находим несколько слов с ярко выраженной экспрессивной коннотацией: *ævellon* ‘необычный’, *č'illon* ‘грязный’ (нейтральное *č'izi* ‘грязный’ иногда также приобретает экспрессивную форму *č'izzi*), *k'wyllaw* ‘грыжа’, *pillon* ‘бурный огонь’.

2.2.1. В некоторых случаях экспрессивное *-ll-* нейтрализуется по чисто фонетическим причинам. Так, в глаголе *allajag kænun* ‘позорить’ при наращении преверба *fæ-*, приводящего в дигорском диалекте к удвоению согласного анлаута, произошло упрощение $ll- > l-$: *fæ-jj-alajag kænun* ‘опозорить’ [НК, 5, 432]. Здесь *-j-* — обычная вставка для устранения зияния, которая была геминирована при наращении *fæ-*, но образовавшаяся гемината *-jj-* «перетянула» на себя функцию экспрессии, позволив упроститься геминате *-ll-*. Ср. также *sær-zilla-žyn* ‘вертячка (болезнь)’ [Джабиев, 1977, 18] при варианте *sær-zilæg-žyn* ‘то же’ [ИУД, 371] и тождественном по происхождению *sær-zilæ-ččyn* ‘головокружительный; помешанный’, где *-čč-* — результат ассимиляции из *-gž-*. Надо полагать, что и в этом случае исчезновение геминаты *-ll-* связано с появлением геминаты *-čč-*.

Возможно, по этой же причине в слове *cælæccon* / *cælæccag* / *cæræccag* ‘жизнеспособный’ [НК, 7, 28, 519], где *cæl-* из др.-иран. $*čarjā-$ ‘имеющий отношение к жизни’, а *cær-* — из $*čar-$ ‘жить’, имеем одинарное *-l-* вместо *-ll-*, так как наращение суффикса $*-jag$ спровоцировало геминацию конечного *-c*, а затем гемината *-cc-* нейтрализовала предшествующую геминату *-ll-*: $*cællæc- > cælæcc-$.

²¹ К аналогичному мнению пришел и С. Р. Тохтасьев [2013] на основе анализа сарматской антропонимии (см. ниже).

Аналогичным образом следует объяснять фонетический облик антонимичного *mælaeccag* ‘смертельный’, о котором см. [Абаев, 2, 86].

2.3. В процессе упрощения *ll > l* задействованы и другие причины фонетического характера. Например, в словах, где кластер **rĭ-/*ri-* в анлауте давал *ly-/li-*, последнее не подвергалось ассимиляции, которая грозила превратить анлаут в нехарактерное для осетинского языка двух- или трехсложное сочетание. Ср. *lymæn* || *limæn* ‘друг, приятель’ (< др.-иран. **friĭmana-*), *lysk*’ || *lisk’æ* ‘яички вшей; гнида’ (< др.-иран. **riškā-* < **rikšā-* [ЭСИЯ, 5, 87–88]), *lystæg* || *listæg* ‘мелкий’ (< др.-иран. **rišta-ka-*) и др.

2.3.1. Еще одна причина упрощения *-ll- > -l-* заключается в соседстве кластера **rĭ-/*ri-* с согласным в инлауте: *fælgændun* ‘мазать’ < др.-иран. **pari-gand-*, *zældaæ* ‘молодая трава’ < др.-иран. **zarita-* и т. п. Осетинский язык плохо мирится с трехсложным сочетанием даже в инлауте. Поэтому промежуточные формы **fællgændun*, **zælldæ* и т. п. непременно должны были упроститься в *fælgændun*, *zældaæ* и пр. А поскольку слов, содержащих сочетание «*fæl-* + согласный», намного больше, чем слов с сочетанием «*fæl-* + гласный» (исторически «**fæll-* + гласный»), форма *fæl-* со временем была обобщена.

2.4. Аналогичными причинами можно объяснить упрощение **-ll- > -l-* и в глагольной лексике. Производные формы от таких глаголов, как *mælyn* ‘умирать’ (< **marĭa-*) и *zilyn* ‘вертеть(ся); вращать(ся); кружить(ся)’ (< **z(a)irĭa-*), указывают на то, что в прошлом они употреблялись в формах **mællyn* и **zillyn*. Ср., с одной стороны, *mællæg* ‘худой; больной’, а с другой — *zillakk* ‘круг; завиток’, *zillon* ‘петля (дверная)’, *sær-zilla-žyn* ‘вертячка (болезнь)’. Следовательно, в этих, как и во всех остальных глаголах с *-l-* из **rĭ-*, произошло упрощение *-ll- > -l-*. Его причину можно понять, если привлечь едва ли не единственный глагол, в котором упрощения не произошло. Речь идет о глаголе *bællyn* ‘стремиться к чему-л.’, который, несмотря на определенные трудности в интерпретации инициального *b-*, восходит к др.-иран. **uariā-* [Абаев, 1, 248; Эдельман, 1986, 79; ср.: Чёнг, 2008, 241]. Во всяком случае, его несомненное этимологическое родство с осет. *bærgæ* ‘хотя бы’ [Абаев, 1, 252] свидетельствует о том, что *-ll-* в нем восходит к **rĭ-*. Но почему в предыдущих и других глаголах произошло упрощение *-ll- > -l-*, а в глаголе *bællyn* — нет?

2.4.1. Если сравнить формы прошедшего причастия к рассматриваемым и подобными глаголами, мы получим ответ и на этот вопрос. Ср., с одной стороны, *zilyn* : *zyld* ‘вертеть(ся)’, *kælyn* : *kald* ‘падать; литься’, *tilyn* : *tyld* ‘махать; трясти’, *wilyn* : *wyld* ‘подбрасывать (альчик)’, *st’ælyn* : *st’æld* ‘гибнуть’ и т. п., а с другой — *bællyn* : *bælld-*. Последняя из них является основой личных форм, а не причастием прошедшего времени, которого у данного глагола нет. Совершенно очевидно, что сохранение *-ll-* в глаголе *bællyn* связано с нахождением этого кластера в интервокальной позиции в основе личных форм. В формах *kald*, *st’æld*, *tyld*, *wyld*, *zyld* и пр. *-ll-* невозможно по фонетической причине: соседство геминаты с согласным (ср.

выше *zældæ* и пр.). В этом отношении показателен глагол *læwwyn* : *læwd* ‘стоять’. Основа его личных форм *læwwud-* отличается от формы прошедшего причастия *læwd*, что, на наш взгляд, и предотвратило упрощение *-ww-* > *-w-* в инфинитиве. Глагол *bællyn*, не имеющий формы прошедшего причастия, но имеющий основу личных форм *bællyd-*, сохранил *-ll-* в инфинитиве ввиду отсутствия фонетической причины для упрощения. Таким образом, именно форма прошедшего причастия, совпадающая в большинстве рассмотренных глаголов с основой личных форм, и могла быть обобщена в качестве универсальной основы, вытеснив *-ll-* из инфинитива.

2.5. Подводя итоги сказанному, можно заключить, что др.-иран. **ri-/rī-* в анлауте давал в осетинском *li-/ly-*; др.-иран. **rī* в интервокальной позиции давал осет. *-ll-*; др.-иран. **-rī-* + *C* давал осет. *-lC*; др.-иран. **rī* + **-a* > др.-осет. *-llæ* > *-ll#* > осет. *-l*. Поскольку основ, в которых др.-иран. **rī* > *ll* по фонетическим причинам изменялся в *l*, было на порядок больше, чем тех, в которых этот кластер имел шансы сохраниться в виде *ll*, формы с одинарным *l* были обобщены.

2.6. Подтверждением сказанного выше может служить скифо-сарматская ономастика. Среди скифо-сарматских имен собственных находим, во-первых, имя ’Алэ́ξαρθос (**ala-xšarθa-*) < др.-иран. **ariā-xšaθra-* ‘наделенный арийской доблестью’ [Harmatta, 1970, 79–80], а во-вторых, вариант этого же имени ’Αλλάξαρθος, относящийся ко второй половине I — первой половине II в. н. э. и отражающий, по мнению Я. Харматты, более раннее фонетическое состояние [Там же, 105], т. е. **alla-xšarθa-*. Комментируя происхождение последнего из этих антропонимов, С. Р. Тохтасьев пишет: «’Αλέξαρθος <...> ср. Αλλά-ξαρθος, где гемината навряд ли отражает влияние ἄλλᾶ, скорее, это аутентичная переходная и регулярная форма от **arya-* к **ala-* (как в ’Αλανοί)» [Тохтасьев, 2013, 580].

2.6.1. Форма **Allæg* (соответствующая **Allægatæ*) для *Alæg* подтверждается адыгским фольклором, где представлены как *Alæg*, так и *Allæg* [Дюмезиль, 1976, 179; Knobloch, 1991, 23]. Кроме того, в 1836 г. А. М. Шёгрэн зафиксировал осетинское мужское имя *Allak* в качестве варианта имени *Alag* [Шёгрэн, 1998, 96].

2.6.2. Этноним *allon* в древнеосетинском оформлении **āllān* можно усматривать в аланской топонимии на территории Западной Европы.

Так, в Южной Галлии наряду с топонимами *Alaigne*, *Alan*, *Alancianus*, *Algans*, *Alenya*, *Alos* находим топоним *Breche d’Allanz* [Bachrach, 1973, 30], а на севере Италии — *Allain*, *Allegno* наряду с *Alagna*, *Alano di Piave* [Ibid., 40]. В Северной Галлии наряду с топонимами *Alain*, *Alaincourt* находим *Allaines*, *Allancourt*, *Alland’huy*, *Aillianville* [Ibid., 61]²². В Орлеане и прилегающих провинциях наряду с *Alaincourt*, *Courtalain* находим *Allains*, *Allainville-en-Drouais*, *Allainville-aux-Bois* и пр. [Ibid., 62]. В Швейцарии наряду с топонимами *Alain*, *Alaniers*, *Aleins*, *Aqua de Alandons*

²² Топоним *Aillianville* в XVII в. зафиксирован в форме *Allanville*, а в XII в. — в форме *Allenville* [Bachrach, 1973, 136].

находим *Allaigne, Allain, Allens* [Bachrach, 1973, 69; см. также: Лебединский, 2016, 146 и далее]. Конечно, можно предположить, что в этих топонимах форма с *-ll-* появилась под влиянием бретонского *allan* ‘иностранец, чужеземец’ [Bachrach, 1973, 107]. Но, учитывая разбросанность рассматриваемых топонимов на огромной территории Европы — от Южной Франции до Северной Италии и Швейцарии, а также наличие в осетинском языке формы *allon-* (< *ālān), можно высказать предположение, что по крайней мере в части приведенных топонимов форма с двойным *-ll-* обязана своим происхождением не бретонскому или какому-то другому языку, а аланскому. И хотя перечисленные названия даны соответствующим поселениям латиноязычными соседями алан [Thordarson, 1998, 491], в некоторых из них сохранились аланские слова [Ibid., 492–495]. А это значит, что компонент *alan* в них может быть и автоэтнонимом. Например, в топониме *Aqua de Alandons* лат. *aqua* ‘вода; река’ глоссирует аланское *-don*, означающее в осетинском языке то же самое — ‘вода; река’ [Лебединский, 2016, 153]. Таким образом, варианты *Alan-/Allan-* в перечисленных топонимах могут восходить к аланскому источнику, отражая диалектные варианты внутри аланского языка.

2.6.3. В персидских текстах наряду с формой *Alān(ān)* изредка встречается и форма *Allān* [Alemany, 2017, 48]. Стало быть, в средние века форма *allan была в употреблении параллельно с формой *alan*. Поскольку форма *alan-* фиксируется с первых веков нашей эры, следует заключить, что упрощение *-ll-* > *-l-* началось еще до нашей эры, т. е. в плане сохранения *-ll-* осетинский этноним *allon-* намного древнее своего средневекового аналога. Почему же в осетинском этнониме не произошло ожидаемого упрощения? На этот вопрос мы попытаемся ответить ниже.

3.1. Обратимся теперь к анализу компонента *-billon*, который, по мнению В. И. Абаева, является «искусственным ассонирующим вариантом к *allon* (*Reimwort*)» [Абаев, 1, 47]. Это действительно так, однако неясна причина, по которой данный элемент был присоединен к рассматриваемому этнониму.

3.2. Анализируемый этноним в языке осетинского фольклора встречается и без второго компонента, ср.: *ællony smag* ‘аланский дух’ [ХИФ, 413], *ællony tæf* ‘то же’ [ИАА, 1, 520], *allon æsmag* ‘то же’ [ОРФ СОИГСИ, n. 145, д. 350, л. 308], *jelon læqwæn* ‘аланский юноша’ [ПНТО, 114].

3.3. А. К. Аликберов и О. А. Мудрак уверены в том, что форма *allon-billon* не имеет точного аналога в осетинском языке. Однако словообразовательная модель «редупликация основы с изменением анлаута второго компонента на *b-* (или *m-*) или с добавлением *b-*, если слово начинается с гласной», хорошо известна в осетинском языке [Габараев, 1977, 77; Алборов, 1979, 78–79, 105, 265], а точную аналогию сложению *allon-billon* находим в зачине детской сказки: *arɣaw-birɣaw*, где *arɣaw* означает ‘сказка’²³.

²³ У поэта Коста (1859–1906 гг.) встречается в форме *arɣaw wa, birɣaw wa* «сказка ли (это), присказка ли» [Хетагкаты, 1, 288].

3.4. Аналогичное словообразование известно во многих языках мира. Например, осет. *k'æz-mæz* 'кривой' находит точную параллель в персидском языке [Абаев, 1, 622], *qulon-mulon* 'пестрый' — в тюркских языках [Там же, 2, 315]; *allaj-bullaj* 'припев свадебной песни' можно сопоставить с тат. *alli-bəlli* 'баюшки-баю', удм. *alli-balli* 'то же', о которых см. [ТГЭС, 133]. И хотя в нашем случае не исключено иноязычное влияние, в целом рассматриваемый тип словообразования в осетинском языке, скорее всего, оригинален. Так, в словообразовании афганского языка известен аллитерационный тип редупликации, одна из разновидностей которой сводится к схеме «прилагательное + рифмующий элемент, не имеющий самостоятельного значения (слово-«эхо»), с начальными *m*-, *p*-, *b*-, *w*-» [Грюнберг, Эдельман, 1987, 153]. Аналогичное словообразование находим в персидском, таджикском [Ефимов и др., 1982, 226], гилянском, мазандеранском [Расторгуева, Эдельман, 1982, 552], сангличском [Юсуфбеков, Додыхудоева, 2008, 231] и других иранских языках. В словообразовании ягнобских имен существительных отмечена редупликация основы, придающая им экспрессивный оттенок. При этом начальный согласный меняется на *p*- (или на *m*-, если слово начинается на *p*-) либо добавляется *p*- (если слово начинается с гласного): *wauṣ-pauṣ* 'всякая там трава', *riṣin-piṣin* 'всякое там масло', *asp-pasp* 'лошадь или что-нибудь в этом роде' [Хромов, 1987, 664].

Полное совпадение словообразовательного типа с редупликацией основы в осетинском, афганском, ягнобском и других иранских языках неслучайно. Любопытно, что рассматриваемые основы как в ягнобском, так и в осетинском приобретают экспрессивный оттенок. Это важная подсказка при решении вопроса о появлении компонента *-billon*.

3.5. Напомним, что выражение *allon-billony taef* 'запах аллон-биллона' в осетинском фольклоре вложено в уста враждебного земным людям великана. Учув в своем доме знакомый ему запах, людоед ищет не человека, а человечишку (см. ниже), и называет его не «аланином» (*allon*), а презрительно-ироническим или уничижительным «аланишкой» (*allon-billon*): «здесь пахнет каким-то аланишкой». Именно этот экспрессивный оттенок и призвана подчеркнуть редупликация. Стало быть, в обычной, нейтральной фразе был бы употреблен вариант без компонента *-billon*. Таким образом, *allon-billon* рядом с *allon* — это такое же образование, как ягноб. *asp-pasp* 'лошадь или что-нибудь в этом роде' рядом с обычным *asp* 'лошадь'. Ощущение экспрессии в форме *allon-billon* и ее отсутствие в форме *alan* привело к сохранению геминаты в первой и ее упрощению во второй форме, подобно тому как в современных осетинских *ally* / *aly* 'всякий' первая форма наделена экспрессивной коннотацией, а вторая лишена ее.

4.1. Свои выводы о выражении *allon-billon* А. К. Аликберов и О. А. Мудрак делают исключительно на основе материала, представленного в словаре В. И. Абаева. Однако привлечение всего необходимого материала полностью опровергает их построения, а также дает возможность сделать определенные выводы историко-культурного характера.

4.2. Вопреки утверждению А. К. Аликберова и О. А. Мудрака, по запаху (*tæf/ smag*) «аллон-биллона» великан абсолютно точно определяет, кто скрывается в его доме. Более того, великан обзывает незванного гостя еще и словами *хæххон ziglo(j)* || *xwænxag ziglo* ‘горная тварь’ [ИАА, 162; ИАС, 1, 10, 38, 84, 238, 509, 511; 2, 296; НТХ, 58; НК, 2, 39; 4, 93, 137], *хоххag ziglo* ‘то же’ [ИАС, 2, 296], *næرتون ziglo* ‘нартовская тварь’ [НК, 1, 189], *zæххон ziglo* ‘земная тварь’ [ИАС, 2, 57], *хæххон с’iw* ‘горная птичка’ [ИАА, 237; ИАС, 2, 177, 181; НТХ, 68, 77; НК, 4, 138], *хонхag с’ew / хwænxag с’ew* ‘то же’ [НК, 4, 143; ИАС, 1, 238], *хæххон зулу* || *хонхag зили* ‘горная пташка’ [НК, 4, 138; ИАС, 1, 47, 51]. В одном тексте великан, учуяв запах человека, восклицает: «Здесь пахнет горной тварью!» (*xwænxag zigloji smag*) [НК, 3, 234]. В другом тексте объединены обе формулы: «Wæ ævzæг хæххон ziglo, allon-billony tæf kwy kænys» <О презренная горная тварь, ты пахнешь аллон-биллоном> [НК, 3, 290]. В. Ф. Миллер справедливо отметил, что слово *ziglo* в этих выражениях употреблено великаном иронически [Миллер, 1, 531]²⁴. В аналогичной ситуации людоед в картвельской версии Нартовского эпоса называет человека мошкой: «Здравствуй, мошка!» [Дзидзигури, 1986, 101]. Следовательно, и этноним *allon-billon* употреблен людоедом в уничижительном значении. Это усиливает наши аргументы в отношении сохранения *-ll-* в *allon-*. Напротив, в старинной осетинской песне «Ragon sindi zar» («Песня старинного симда»), исполнявшейся во время ритуального танца *simd*, где рефреном повторяется словосочетание *wæ jelon læqwæп* «о, аланский юноша» [ПНТО, 114–115], одинарный *-l-* соответствует сакральному характеру как самой песни, так и ритуального танца.

В одном из нартовских сказаний мать жителей подводного царства, великанша (*wæjyg*) по имени *Wazyq*, видя перед собой земного человека — нарта Ахсартага, так обращается к нему: «Ævzæг wælzæхх хурон zigloj! Allon-billony tæf kwy kænys!» <О, презренная земная солнечная тварь! От тебя несет запахом аллон-биллона!> [ИАС, 1, 10]. Т. е. если в сказках великан чует, но не видит героя, то здесь великанша и видит, и чует его. Представляют интерес эпитеты, которыми она наделяет героя: *wælzæхх* букв. «наземный», т. е. ‘проживающий на суше’ (а не под водой), *xuron* — букв. «солнечный», т. е. ‘проживающий в подсолнечном мире’. Таким образом, ни о каком «непонятном» или «неясном» запахе не может быть и речи: запах «аллон-биллона» для великана — это запах земного человека, человека вообще.

²⁴ Ни точного значения, ни этимологии слова *ziglo* мы не знаем. Если делить его на *zig-lo*, то корень можно возвести к **çai-ka-* — от др.-иран. **kai-* : *ki-* / *çai-* : *çi-* ‘видеть, виднеться, смотреть, замечать, наблюдать’, которое с другим расширителем представлено в согд. *çytk* ‘потустороннее существо, сверхъестественное существо, гений; (злой) дух’ и пр. [ЭСИЯ, 4, 173–174]. Следовательно, выражение *хæххон ziglo* в архаизирующем переводе может означать ‘горное потустороннее существо’, ‘горное существо’.

Этот вывод можно подкрепить и другим текстом, где мать великанов называет земного героя, нарта Сослана, «горной тварью» (*xæxxon ziglo*) [ИАС, 1, 84], а вернувшиеся из отлучки сыновья, учув его по «запаху аллон-биллона», потребовали подать им его на ужин, ибо «*gagæj nal fæqæstæ stæm adæjmaʒu zizajæ*» <мы давно уже не лакомились человечинной> [Там же, 85]. Тем самым и здесь «аллон-биллон» прямо отождествляется с человеком (*adæjmag*).

О запахе «аллон-биллона» говорят обитатели не только подводного, но и подземного мира. В одном из текстов «запах аллона» (*ællony smag*) исходит от земного мужчины (*wælzæxon læg*) [ХИФ, 413]. В другом тексте запах *allon-bellon æsmag* вновь исходит от нарта Сослана [НК, 2, 546]. В третьем тексте находим примечательную глоссу: «Of-of, allon-billony tæf kæny, wælzæxon adæjmaʒu tæf kæny...» <Ох-ох, пахнет аллон-биллоном, пахнет земным человеком> [ИАА, 347]. Таким образом, здесь «аланин» (*allon-billon*) и «человек» (*adæjmag*) вновь оказываются синонимами.

4.3. Осетинский фольклор неслучайно акцентирует внимание на человеческом запахе. Согласно осетинской мифологии, первые земные люди были сотворены из лона земли, Бог вдохнул в них душу своим дыханием (*komy tæf*). Душа человека и есть божественное дыхание, или божественный «запах», по которому его легко опознают великаны. Неслучайно о больном или сильно исхудавшем человеке осетины до сих пор говорят: *udysmag ʒu nal is* ‘в нем не осталось запаха души’.

4.4. Если обратиться к вопросу о соотношении этнонима *allon-billon* с современными (*iron, digoron, twallag*) и мифологическими (*næرتون*) самоназваниями осетин, то необходимо вспомнить о соотношении этнонимов «арий» и «перс» в древнеперсидских надписях. А. В. Росси солидарен с мнением Г. Ньюли [Gnoli, 1989, 17], согласно которому термин *dahyu-* ‘страна’ в языке Ахеменидов обычно соотносится с названием реальной страны *Pārsa-* ‘Персия’, тогда как этноним *arya-* ‘арий’ относится исключительно к культурному и религиозному наследию древних персов, не обозначая конкретную страну / территорию [Rossi, 2000, 2074]. Нечто подобное можно предположить и для осетинской фольклорной традиции. Упоминания об «аллонах», т. е. ‘аланах / ариях’, отсылают нас к древней мифологии осетин (к эпохе великанов), тогда как «исторические» реалии в осетинском фольклоре отражены в виде противопоставления героев-нартов различным «историческим» народам.

5.1. Необходимо сказать и о компоненте *-on* в *allon-* (соответственно *-an* в *alan*). Г. Якобсон и Г. Шёльд возводили этноним *alan* к **arjānām* — форме род. п. мн. ч. от этнонима *arja-* ‘арий’, к которой восходит также персидский топоним *Ērān / Īrān* ‘Иран’ [Jacobsohn, 1922, 234; Sköld, 1925, 68]. В. И. Абаев, напротив, выводил рассматриваемый этноним из др.-иран. **arjāna-*, в котором конечный суффикс **(ā)na-* тождествен осетинскому суффиксу прилагательных *-on* [Абаев, 1949, 245]. Я. Харматта отдает предпочтение второму из этих этимонов на том

основании, что *Ērān* / *Īrān* — это название страны, а *alan* — название народа [Harmatta, 1970, 78]. Однако семантически, на наш взгляд, больше подходит этимология с флексией *-ānām*.

5.1.2. Рефлекс древнеиранской флексии **-ānām* справедливо видят и в осетинских местоимениях *adon* ‘эти’, *wydon* ‘те; они’, *kædon* ‘которые’ [Шёгрэн, 1844, 144; Абаев, 1, 30; 4, 9; Thordarson, 1989, 469, 472; Чёнг, 2008, 177], а также в суффиксе *-on*, выражающем принадлежность к чему-либо или происхождение: *xæzar* ‘дом’ — *xæzaron* ‘относящийся к дому; домашний’, *ir* ‘осетины’ — *iron* ‘осетинский; осетин’ и т. п. [Чёнг, 2008, 177]. Этот же суффикс усматривают в компоненте *-on*, представленном в эпических фамильных именах [Dumézil, 1986, 74–75]. Но в таком случае именно этот суффикс присутствует и в женской форме к современным осетинским фамильным именам: *Færniatæ* ‘Фарниевы’ — *Færnion* ‘происходящая из рода Фарниевых’, ‘принадлежащая к роду Фарниевых’. В фольклорных текстах фамильные имена на *-on* принадлежат также и мужчинам, причем, например, форма *Færnion K’osta* ‘Фарниев Коста’ полностью тождественна форме *Færniaty K’osta*. Поскольку последняя содержит суффикс множественности *-t-* и флексию род. п. *-y*, именно это грамматическое значение — родительный множественного — следует предположить и для суффикса *-on*. Этот факт окончательно убеждает нас в том, что в конечном *-on* скрывается древнеиранская флексия род. п. мн. ч. **-ānām*. Таким образом, в древнеосетинском языке имя, оформленное флексией **-ānām*, относилось не к стране, а к коллективу людей, объединенных кровным родством. Это дает нам право видеть данный суффикс и в этнониме *allon* / *alan*.

5.2. Совершенно ясно, что до перехода скифо-сарматских наречий к агглютинативному типу склонения слово **ārijānām* ‘арийцев’ служило определением к какому-то другому слову. В языке «Авесты» зафиксировано название мифической прародины иранских народов *airyanəm vaējō* ‘арийцев (иранцев) простор’, откуда идет ср.-перс. *ērān-vēž* ‘то же’ [Bartholomae, 1904, 198]. В среднеперсидских текстах встречается также топоним *ērānšahr-* ‘страна, царство Иран’, восходящий к др.-иран. **arjānām xšaθram* ‘арийцев (иранцев) царство’ [ЭСИЯ, 1, 223]. Такое же употребление предполагает и этноним *alan*. И хотя мы не знаем номенклатурного термина, к которому первоначально был прикреплен эпитет **ārijānām*, мы считаем приемлемой следующую догадку Г. Ньюли.

В античных источниках (Птолемей, Марциан) сохранились упоминания о некой «аланской горе», которую часть современных ученых отождествляет с одной из вершин Уральских гор. В древности существовало даже мнение, что аланы получили свое наименование / самоназвание от этой горы (Amm.Marc. Res Gestae, 31, 2, 13). Г. Ньюли полагает, что это та самая гора, которая в мифологии «Авесты» была помещена в центре прародины иранцев и рассматривалась в качестве оси мира, т. е. в центре «арийского простора» возвышалась «арийская гора», иранское название которой, не сохранившееся в источниках, наверняка

было сложением из *āriānām ‘арийцев’ + апеллятив ‘гора’. И именно этот ороним в древнеосетинском языке в результате чисто фонетических преобразований превратился в «аланскую гору» [Gnoli, 1998].

5.3. Полностью разделяя данное мнение [Дзиццойты, 2003, 102–106], мы хотели бы вернуться к цитированным выше осетинским фольклорным текстам, согласно которым *allon-* ‘аланин’ неразрывно связано с понятием ‘гора’. Т. е. великаны живут либо под водой (под землей), либо в долине большой реки (*furd*), а герой-нарт (или герой сказки) — в горах. Отсюда и презрительные прозвища «горная тварь», «горная пташка». При этом под ‘горой’ имеется в виду, скорее всего, не Кавказ, а какая-то мифическая гора.

5.4. Осетинская мифология унаследовала из общеарийской образ мировой горы, возвышающейся посреди моря или леса. Эта гора отождествляется с ‘обитаемой землей’ [Дзиццойты, 2017, 188–189, 313–315], а первые нарты (т. е. первые люди) жили на склоне этой горы. Сказания и сказки, в которых «горная пташка / тварь», пахнувшая «аллон-биллоном», отождествляется с человеком, отсылают нас к этим «начальным временам». Именно в тот период «аланы», с точки зрения осетинской традиции, были единственными обитателями земли-горы. Поскольку мать великанов живет в морских глубинах, а ее имя *Wazyq* так или иначе связано с перс. *vazay* ‘лягушка, жаба’, есть основания полагать, что раса земных великанов произошла от обитателей подводного мира. На суше великаны поначалу проживали только в долинах рек, где и сталкивались с земными людьми — горцами-«аланами». Со временем вода отступила, и «человек / аланин» спустился на равнину, где извел великанов и полностью завладел сушей. Но в анализируемых сказаниях и сказках земной ‘человек’ («аланин») пока еще горец, а великаны — жители подводного или подземного мира, в редких случаях также речной долины. Именно эти мифы об аланах-горцах могли слышать античные авторы, писавшие о горном происхождении алан.

5.5. Древнеиранское название этой мифической горы — **āriānām gari-* ‘арийцев гора’, или **āriānām kauka-* ‘то же’, — на древнеосетинской почве было преобразовано сначала в *āllān (> *ālān) *γæl* / *āllān (> *ālān) *χox* ‘аланская гора’, а затем, как это случилось и в среднеперсидском, вторая часть отпала, а определение «арийцев» превратилось в самостоятельное название, принявшее грамматическое значение именительного падежа.

6.1. Наконец, нельзя оставить без внимания и другие этимологии осетинских слов, часть из которых мы обсудили выше. К сказанному остается добавить, что и осет. *aldar* ‘правитель; господин; князь; феодал’ не может восходить к этимону с начальным **al-*, так как зафиксировано и в форме *ærdar* [Шёгрэн, 1844, 20]. Форма *ʔardar* засвидетельствована и на скифо-сарматской почве [Абаев, 1949, 154]. Поскольку развитие «*r* — *r* > *l* — *r*» закономерно для осетинского языка [Абаев, 1965, 36; Эдельман, 1986, 78], из формы *ærdar вполне ожидаемо получилась современная форма *aldar*. Обратное направление фонетических

изменений невозможно. Следовательно, этимология слова *ældar*, предложенная А. К. Аликберовым и О. А. Мудраком, ошибочна.

6.2. Несколько слов необходимо сказать о соотношении этнонимов *алуанк* и *алан*. Как было сказано выше, этноним *алан* никогда не был названием (или одним из названий) Кавказской Албании. И только в армянских источниках на определенном этапе произошло смешение этнонимов *алан* и *алуанк*, последний из которых действительно является названием кавказских албанцев. Для четкого определения содержания каждого из этих этнонимов понадобились усилия нескольких поколений арменистов и кавказоведов, показавших, что в армянских источниках замена этнонима *алан* на этноним *албан* происходила постепенно — уже после того, как аланы перестали участвовать в жизни закавказских народов и память о них заглохла.

В языке осетинского эпоса четко различаются, с одной стороны, аланы (осет. *allon-*), а с другой — албанцы (осет. *lwan*) [о последних см.: Клейн, 1975; Кузнецов, 1980, 45–65; Дзиццойты, 1992, 126–138]. Албанцев можно видеть и под эпическим этнонимом *Elywantæ* ‘Елуановы’, с которыми враждуют герои-нарты [НК, 7, 320–323].

6.3. Таким образом, вопреки А. К. Аликберову и О. А. Мудраку, нет абсолютно никаких оснований для отрыва этнонимов *алан* и *allon-* друг от друга, а также для отрицания их связи с древнеиранским этнонимом *ārijānām ‘арийцев’ > ‘арийский’ > ‘арийцы’ > ‘иранцы’ > ‘аланы’.

Источники

- Брытџиаты Е.* Уацмыстæ. Т. 2. Дзæуджыхъæу : Ир, 1982 (на осет. яз.).
 ИАА — Ирон адамон аргъæуттæ. Т. 1 / сост. А. Х. Бязыров. Цхинвал : Хуссар Ирыстоны паддзахдон рауагъдад, 1959 (на осет. яз.).
 ИАС — Ирон адамы сфæлдыстад : в 2 т. / сост. З. М. Салагаева ; под ред. В. И. Абаева. Дзæуджыхъæу : [б. и.], 1961 (на осет. яз.).
 ИИД — *Гæбæраты Н. Я.* Ирон æвзаджы инверсион дзырдугат. Цхинвал : Ирыстон, 1978 (на осет. яз.).
 ИУД — Ирон-уырыссаг дзырдугат = Осетинско-русский словарь / сост. Б. Б. Бигулаев, К. Е. Гагкаев, Н. Х. Кулаев, О. Н. Туаева ; ред. А. Т. Голиева. 3-аг баххæстгонд рауагъд. Орджоникидзе : Ир, 1970 (на осет. яз.).
Миллер В. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь : в 3 т. Л : Изд-во АН СССР, 1927–1934.
 Нарты. Осетинский героический эпос : в 3 т. / ред. Т. Хамицаева, А. Бязыров. М. : Наука, 1989–1991.
 НК — Нарты кадджытæ. Ирон адамы эпос : в 7 т. / ред. Ш. Х. Джикаев. Дзæуджыхъæу : ИПЦ СОИГСИ, 2003–2012 (на осет. яз.).
 НТХ — Нарты таурæгътæ æмæ хабертгæ / сост. А. Х. Бязыров. Цхинвал : Ирыстон, 1973 (на осет. яз.).
 ОРФ СОИГСИ — Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (Владикавказ).
 ПАЯП — Памятники аланского языка и письма / сост. Ю. А. Дзиццойты. М. : Наука, 2016.
 ПНТО — Памятники народного творчества осетин. Трудовая и обрядовая поэзия осетин / сост. Т. А. Хамицаева. Владикавказ : Ир, 1992.
 ТТЭС — *Әхмәтьянов Р. Г.* Татар теленең этимологик сүзлеге. Т. 1 : А–Л. Казан : Мәгариф — Вақыт, 2015 (на тат. яз.).

- Хетагкаты Къ.* Уацмысты æххæст æмбырдгонд фондз томæй / ред. Ш. Х. Джикаев. Дзауджыхъæу : Ир, 1999 (на осет. яз.).
- ХИФ — Хуссар Ирыстоны фолклор / сост. А. А. Тибилов. Сталинир : Изд. ЮОНИИ, 1936 (на осет. яз.).
- Хъайтыхъты А.* Сафайы рæхыс: Таурагътæ, æмдзæвгæтæ, царды хабæрттæ. Дзауджыхъæу : Ир, 2008 (на осет. яз.).
- Хъодзаты Æ.* Дымгæ æмæ зыгуымдон: новеллæтæ, миниатюрæтæ, радзырдтæ, уацтæ. Дзауджыхъæу : Ир, 2011 (на осет. яз.).
- NSC — Nart Sagas from the Caucasus: Myths and Legends from the Circassians, Abazas, Abkhaz and Ubykhs. Assembled / transl. and annot. by J. Colarusso. Princeton ; Oxford : Princeton Univ. Press, 2002.

Исследования

- Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949.
- Абаев В. И.* Мимео-изобразительные слова в осетинском языке // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. 1956. Т. 6. С. 409–427.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка : в 4 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР ; Наука, 1958–1989.
- Абаев В. И.* [Рец. на кн.]: *Benveniste E. Études sur la langue ossète.* Paris, 1959 // Вопр. языкознания. 1960. № 4. С. 141–145.
- Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М. : Наука, 1965.
- Абаев В. И.* Грамматический очерк осетинского языка // Осетинско-русский словарь / сост. Б. Б. Бигулаев, К. Е. Гагкаев, Н. Х. Кулаев, О. Н. Туаева ; ред. А. Т. Голиева. Орджоникидзе : Ир, 1970. С. 543–720.
- Абаев В. И.* Избранные труды : [в 4 т.]. Т. 2. Владикавказ : Ир, 1995.
- Алборов Б. А.* Некоторые вопросы осетинской филологии. Орджоникидзе : Ир, 1979.
- Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках : пер. с англ. М. : Менеджер, 2003.
- Андроникашвили М.* Наркъевебеи иранул-картули енобриви уртиертобидан. Т. 1. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1966 (на груз. яз.).
- Бенвенист Э.* Очерки по осетинскому языку : пер. с франц. М. : Наука, 1965.
- Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов : пер. с франц. М. : Прогресс : Универс, 1995.
- Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. 2-е изд., испр., доп. М. : Мысль, 1983.
- Бязырты А.* Нарты таурагъты истори. Дзауджыхъæу : Ир, 1993 (на осет. яз.).
- Габараев Н. Я.* Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке. Тбилиси : Мецниереба, 1977.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 т. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984.
- Генко А. Н.* Из культурного прошлого ингушей // Зап. коллегии востоковедов при Азиатском Музее АН СССР. 1930. Т. 5. С. 681–761.
- Герценберг Л. Г.* Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л. : Наука, 1972.
- Грюнберг А. Л., Эдельман Д. И.* Афганский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа / отв. ред. В. С. Расторгуева. М. : Наука, 1987. С. 6–154.
- Джабиев З. П.* О терминологии народной медицины в осетинском языке. Цхинвали : Мецниереба, 1977.
- Дзидзигури Ш. В.* Грузинские варианты нартского эпоса. Тбилиси : Мецниереба, 1986.

- Дзицойты Ю. А.* Нарты и их соседи: Географические и этнические названия в нартском эпосе. Владикавказ : Алания, 1992.
- Дзицойты Ю. А.* Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал : Полигр. произв. объединение, 2003.
- Дзицойты Ю. А.* Вопросы осетинской филологии. Т. 1. Цхинвал : Республика, 2017.
- Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология : пер. с франц. М. : Наука, 1976.
- Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев : пер. с франц. М. : Наука, 1986.
- Ефимов В. А., Расторгуева В. С., Шарова Е. Н.* Персидский, таджикский, дари // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки / отв. ред. В. С. Расторгуева. М. : Наука, 1982. С. 5–231.
- Зализняк А. А.* О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами // Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР. 1963. Вып. 38. С. 3–22.
- Клейн Л. С.* Легенда Геродота об азиатском происхождении скифов и Нартский эпос // Вестн. древней истории. 1975. № 4. С. 14–27.
- Кузнецов В. А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе : Ир, 1980.
- Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. Владикавказ : Ир, 1992.
- Лебединский Я.* Аланы и сарматы в Галлии IV–V вв.: история и наследие : пер. с франц. Владикавказ : Проект-Пресс, 2016.
- Литлтон Скотт К., Малкор Л. А.* От Скифии до Камелота : пер. с англ. М. : Менеджер, 2007.
- Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. Ч. 3. М. : [б. и.], 1887.
- Миллер В.* Язык осетин : пер. с нем. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962.
- Ньоли Г.* Название алан в сасанидских надписях: лингвистические и исторические размышления по поводу противопоставления Ирана внешнего и Ирана внутреннего : пер. с итал. Владикавказ : Ир, 2002.
- Оранский И. М.* Введение // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки / отв. ред. В. С. Расторгуева. М. : Наука, 1979. С. 10–128.
- Оранский И. М.* Введение в иранскую филологию. 2-е изд., доп. М. : Наука, 1988.
- Расторгуева В. С., Эдельман Д. И.* Гилянский, мазандеранский (с диалектами шамерзади и велатру) // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки / отв. ред. В. С. Расторгуева. М. : Наука, 1982. С. 447–554.
- Стеблин-Каменский И. М.* Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений. М. : Наука, 1982.
- Тохтасьева С. Р.* Иранские имена в надписях Ольвии I–III вв. н. э. // Commentationes Iranicae : сб. ст. к 90-летию В. А. Лившица / под ред. С. Р. Тохтасьева и П. Б. Лурье. СПб. : Нестор-История, 2013. С. 565–607.
- Туаллагов А. А.* Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин. Владикавказ : Изд-во СОГУ им. К. Л. Хетагурова, 2001.
- Хромов А. Л.* Ягнобский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа / отв. ред. В. С. Расторгуева. М. : Наука, 1987. С. 644–701.
- Цаболов Р. Л.* Осетинские этимологии. II // Исследования по иранской филологии. 1999. Вып. 2. С. 146–152.
- Чэнг Дж.* Очерки исторического развития осетинского вокализма : пер. с англ. Владикавказ ; Цхинвал : Изд.-полигр. предприятие им. В. Гассиева, 2008.
- Шёгрэн А. М.* Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. СПб. : Имп. Акад. наук, 1844.
- Шёгрэн А. М.* Осетинские исследования. Владикавказ : Изд-во СОГУ, 1998.
- Эдельман Д. И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М. : Наука, 1986.
- ЭСИЯ — *Расторгуева В. С., Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. М. : Вост. лит., 2000–. Т. 1–.

- Юсуфбеков Ш. П., Додыхудоева Л. П.* Сангличский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские и новоиранские языки / отв. ред. В. С. Расторгуева. М. : Вост. лит., 2008. С. 110–234.
- Alemay A.* Where are monuments of the “Alanic” language? // “Nartamongæ”. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology & Language. 2014. Vol. 11. № 1–2. P. 144–150.
- Alemay A.* Ferdowsi’s “King of the Alans” // “Nartamongæ”. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology, Language, History. 2017. Vol. 12. № 1–2. P. 47–57.
- Bachrach Bernard S.* A History of the Alans in the West. From their First Appearance in the Sources of Classical Antiquity through the Early Middle Ages. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 1973.
- Bailey H. W.* Ossetic (Nartä) // Traditions of Heroic and Epic Poetry / eds. J. B. Hainsworth, A. T. Hatto. London : MHRA, 1980. P. 236–267.
- Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg : Verl. von Karl. J. Truebner, 1904.
- Bielmeier R.* Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz. Frankfurt am Main ; Bern ; Las Vegas : Peter Lang, 1977.
- Bielmeier R.* Zum Namen der kaukasischen Iberer // Nubia et oriens christianus: Festschrift für C. Detlef G. Müller zum 60 Geburtstag / Hrsg. P. O. Scholz, R. Stempel. Köln : J. Dinter, 1988. S. 99–105.
- Bielmeier R.* Das alanische bei Tzetzes // “Nartamongæ”. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology & Language. 2011. Vol. 8. № 1–2. P. 180–206.
- Christol A.* Des Scythes aux Ossetes. Rouenlac : Groupe de Recherches Rouenlac, 1989.
- Cornillot F.* L’aube scythique du monde slave // Slovo: Revue du Centre d’études russes, eurasiennes et sibériennes. 1994. Vol. 14. P. 77–259.
- Dumézil G.* Fêtes romaines d’été et d’automne. Paris : Gallimard, 1986.
- Gauthiot R.* Essai sur le vocalisme du sogdien. Paris : Librairie P. Geuthner, 1913.
- Gershevitch I.* Word and Spirit in Ossetic // Bulletin of the School of Oriental Studies. 1955. Vol. 17. P. 478–489.
- Gershevitch I.* [Review of]: *Németh J.* Eine Wörterliste der Jassen, der ungarländischen Alanen // Bulletin of the School of Oriental Studies. 1960. Vol. 23. P. 595–596.
- Gnoli Gh.* The Idea of Iran. Rome : Serie Orientale Roma, 1989.
- Gnoli G.* Two Historical Questions Relating to the Alans and the Mountains // Studia Iranica et Alanica. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovič Abaev on the Occasion of His 95th Birthday. Rome : Ist. italiano per l’Africa e l’Oriente, 1998. P. 161–167.
- Harmatta J.* Studies in the History and Languages of the Sarmatians. Széged : Ed. Kultura, 1970.
- Jacobsohn H.* Arier und Ugrofinnen. Göttingen : Vandenhoeck u. Ruprecht, 1922.
- Knobloch J.* Homerische Helden und christliche Heilige in der kaukasischen Nartenepic. Heidelberg : Carl Winter, 1991.
- Lebedynsky J.* Des noms et des peuples. Les noms ethniques des Ossètes et de leurs ancêtres // D’Ossète et d’alentour. Bulletin de l’association ossète en France. 2000. № 8. P. 4–17.
- Mayrhofer M.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. 1. Heidelberg : Carl Winter, 1953.
- Rossi A. V.* L’iscrizione originaria di Bisotun: DB Elam. A+L // Studi sul vicino oriente antico dedicati alla memoria di Luigi Cagni. 2000. Vol. 61. P. 2065–2107.
- Russell J. R.* Argawan: The Indo-European Memory of the Caucasus // J. of Armenian Studies. 2006. Vol. 8/2. P. 110–147.
- Sköld H.* Die Ossetischen Lehnwörter im Ungarischen // Lunds Universitets Årsskrift. 1925. Bd. 20. № 4. S. 1–114.
- Szemerényi O.* Studies in the kinship terminology of the Indo-European languages. Leiden : Brill, 1977.
- Szemerényi O.* Four old Iranian ethnic names: Scythian — Skudra — Sogdian — Saka. Wien : Scripta Minora, 1980.
- Thordarson F.* An Ossetic Miscellany: Lexical Marginalia // Kalyānamitrārāganam. Essays in honour of Nils Simonsson / ed. by E. Kahrs. Oslo : Norwegian Univ. Press, 1986. P. 277–286.

Thordarson F. Ossetic // Compendium Linguarum Iranicarum / ed. by R. Schmitt. Wiesbaden : Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1989. P. 456–479.

Thordarson F. Gallia Alanica // Studia Iranica et Alanica. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovič Abaev on the Occasion of His 95th Birthday. Rome : Ist. italiano per l’Africa e l’Oriente, 1998. P. 483–498.

Рукопись поступила в редакцию 18.02.2019

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

дигор.	дигорский диалект осетинского языка	согд.	согдийский язык
др.-иран.	древнеиранский язык	ср.-перс.	среднеперсидский язык
ирон.	иронский диалект осетинского языка	ягноб.	ягнобский язык
		ясск.	ясский язык

* * *

Дзиццойты Юрий Альбертович

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой осетинской филологии
и общего языкознания
Юго-Осетинский государственный университет
100001, Республика Южная Осетия, Цхинвал,
ул. Московская, 8
E-mail: dzicc@mail.ru

Dzitssoity, Yuri Albertovitch

PhD, Associate Professor, Head
of the Department of Ossetian Philology
and General Linguistics
South Ossetian State University
8, Moskovskaya Str., 100001, Tskhinval,
Republic of South Ossetia
E-mail: dzicc@mail.ru

Yuri A. Dzitssoity

South Ossetian State University
Tskhinval, Republic of South Ossetia

ON THE ETYMOLOGY OF THE ETHNIC NAMES *ALAN* AND *ALLON*

The article provides a critical analysis of the research by A. K. Alikberov and O. A. Mudrak, attempting to revise the traditional views on ethnic attribution of the early Alans by offering a new etymology of their ethnic name. In the author’s view, the researchers’ disregard of specialized studies in Iranian and Alan culture, as well as limited knowledge of historical phonetics and morphology of the Ossetian language, has led them to erroneous conclusions. Their argumentation is based solely on the data presented in V. I. Abayev’s dictionary. Meanwhile, the etymological relationship between the ethnonyms *alan* and *allon* (the latter frequently occurs in Ossetian folklore) is no longer a subject of scholarly debate, and so is the relation of these

names to the ethnic name *aria*. Although these arguments have been omitted in the discussed article, the present paper considers them, as they provide criticisms that need to be commented on. Ultimately, it was found that the only aspect that has not been discussed yet in Iranian studies is the problem of single and geminated *-l-* in the forms of the ethnonym, to which the authors of the reviewed article drew particular attention. However, a thorough analysis of the relevant language and folklore data settles all controversial issues. The article gives due consideration to the alternative etymologies proposed by A. K. Alikberov and O. A. Mudrak. But as a result of this analysis, the author of the article concludes that the traditional etymology for the ethnic names *alan* and *allon* remains valid and true, and also determines the place of these names among the self-names of modern Ossetians.

К е у о р д с: Iranian languages, Ossetian language, Alan language, etymology, mythology.

- Abaev, V. I. (1949). *Osetinskii iazyk i fol'klor* [Ossetian Language and Folklore] (Vol. 1). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Abaev, V. I. (1956). Mimeo-izobrazitel'nye slova v osetinskom iazyke [Mimeo-Visual Words in the Ossetian Language]. *Trudy In-ta iazykoznanii AN SSSR*, 6, 409–427.
- Abaev, V. I. (1958–1989). *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language] (Vols. 1–4). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR; Nauka.
- Abaev, V. I. (1960). [Review of *Études sur la langue ossète* by E. Benveniste]. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 141–145.
- Abaev, V. I. (1965). *Skifo-evropeiskie izoglossy. Na styke Vostoka i Zapada* [Scythian-European Isoglosses. At the Crossroads of East and West]. Moscow: Nauka.
- Abaev, V. I. (1970). Grammaticheskii ocherk osetinskogo iazyka [A Grammatical Essay on the Ossetian Language]. In B. B. Bigulaev et al. (Eds.), *Osetinsko-russkii slovar'* [Ossetian-Russian Dictionary] (pp. 543–720). Ordzhonikidze: Ir.
- Abaev, V. I. (1995). *Izbrannye trudy* [Selected Works] (Vol. 2). Vladikavkaz: Ir, 1995.
- Alborov, B. A. (1979). *Nekotorye voprosy osetinskoj filologii* [Some Questions of Ossetian Philology]. Ordzhonikidze: Ir.
- Alemany, A. (2003). *Alany v drevnikh i srednekovykh pis'mennykh istochnikakh* [The Alans in Ancient and Medieval Written Sources]. Moscow: Menedzher.
- Alemany, A. (2014). Where are Monuments of the “Alanic” Language? *Nartamongæ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology & Language*, 11(1–2), 144–150.
- Alemany, A. (2017). Ferdowsī's “King of the Alans”. *Nartamongæ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology, Language, History*, 12(1–2), 47–57.
- Andronikashvili, M. (1966). *Nark* “vevebi iranul-kartuli enobrivi urtiertobidan [Studies in Iranian-Georgian Linguistic Contacts] (Vol. 1). Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo un-ta.
- Bachrach, B. S. (1973). *A History of the Alans in the West. From their First Appearance in the Sources of Classical Antiquity through the Early Middle Ages*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Bailey, H W. (1980). Ossetic (Nartä). In J. B. Hainsworth, & A. T. Hatto (Eds.), *Traditions of Heroic and Epic Poetry* (pp. 236–267). London: MHRA.
- Bartholomae, Chr. (1904). *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg: Verlag von Karl. J. Truebner.
- Benveniste, E. (1965). *Ocherki po osetinskomu iazyku* [Essays on the Ossetian Language]. Moscow: Nauka.
- Benveniste, E. (1995). *Slovar' indoevropeiskikh sotsial'nykh terminov* [A Dictionary of Indo-European Social Terms]. Moscow: Progress; Univers.
- Biazyrty, A. (1993). *Narty tauræ' ty istori* [A History of the Narta Epic]. Vladikavkaz: Ir.
- Bielmeier, R. (1977). *Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz*. Frankfurt am Main; Bern; Las Vegas: Peter Lang.

- Bielmeier, R. (1988). Zum Namen der kaukasischen Iberer. In P. O. Scholz, R. Stempel (Eds.), *Nubia et oriens christianus: Festschrift für C. Detlef G. Müller zum 60 Geburtstag* (pp. 99–105). Köln: J. Dinter.
- Bielmeier, R. (2011). Das alanische bei Tzetzes. *Nartamongæ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology & Language*, 8(1–2), 180–206.
- Bongard-Levin, G. M., & Grantovsky, E. A. (1983). *Ot Skifi do Indii. Drevnie arii: mify i istoriia* [From Scythia to India. Ancient Arias: Myths and History] (2nd ed.). Moscow: Mysl'.
- Cheng, Dzh. (2008). *Ocherki istoricheskogo razvitiia osetinskogo vokalizma* [Essays on the Historical Development of Ossetian Vocalism]. Vladikavkaz; Tskhinval: Izd.-poligraf. predpriiatie im. V. Gassieva.
- Christol, A. (1989). *Des Scythes aux Ossetes*. Rouenlac: Groupe de Recherches Rouenlac.
- Cornillot, F. (1994). L'aube scythique du monde slave. *Slovo: Revue du Centre d'études russes, eurasiennes et sibériennes*, 14, 77–259.
- Dumézil, G. (1976). *Osetinskii epos i mifologiia* [Ossetian Epic Tradition and Mythology]. Moscow: Nauka, 1976.
- Dumézil, G. (1986). *Verkhovnye bogi indoevropaitsev* [The Supreme Gods of the Indo-Europeans]. Moscow: Nauka.
- Dumézil, G. (1986). *Fêtes romaines d'été et d'automne*. Paris: Gallimard.
- Dzhabiev, Z. P. (1977). *O terminologii narodnoi meditsiny v osetinskom iazyke* [On the Terminology of Traditional Medicine in the Ossetian Language]. Tskhinvali: Metsniereba.
- Dzidziguri, Sh. V. (1986). *Gruzinskie varianty nartskogo eposa* [Georgian Versions of the Narta Epic]. Tbilisi: Metsniereba.
- Dzitstsoity, Yu. A. (1992). *Narty i ikh sosedi: Geograficheskie i etnicheskie nazvaniia v nartovskom epose* [Narts and Their Neighbours: Geographical and Ethnic Names in the Narta Epic]. Vladikavkaz: Alaniia.
- Dzitstsoity, Yu. A. (2003). *Nartovskii epos i Amiraniani* [The Narta Epic and *Amiraniani*]. Tskhinval: Poligraficheskoe proizvodstvennoe ob"edinenie.
- Dzitstsoity, Yu. A. (2017). *Voprosy osetinskoi filologii* [Issues in Ossetian Philology] (Vol. 1). Tskhinval: Respublika.
- Edelman, D. I. (1986). *Sravnitel'naia grammatika vostochnoiranskikh iazykov. Fonologiia* [Comparative Grammar of East Iranian Languages. Phonology]. Moscow: Nauka.
- Efimov, V. A., Rastorgueva, V. S., & Sharova, E. N. (1982). *Persidskii, tadzhikskii, dari* [Persian, Tajik, Dari]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznaviia. Novoiranskii iazyki: zapadnaia grupa, prikaspiiskie iazyki* (pp. 5–231) [Fundamentals of Iranian Linguistics. New Iranian Languages: Western Group, Caspian Languages]. Moscow: Nauka.
- Gabaraev, N. Ya. (1977). *Morfologicheskaia struktura slova i slovoobrazovanie v sovremennom osetinskom iazyke* [The Morphological Structure of the Word and Word Formation in the Modern Ossetian Language]. Tbilisi: Metsniereba.
- Gamkrelidze, T. V., & Ivanov, V. V. (1984). *Indoevropeskii iazyk i indoevropetsy. Rekonstruktsiia i istoriko-tipologicheskii analiz praiazyka i protokul'tury* (Vols. 1–2) [Indo-European Language and Indo-Europeans. Reconstruction and Historical and Typological Analysis of the Proto-Language and Proto-Culture]. Tbilisi: Izd-vo Tbilis. un-ta.
- Gauthiot, R. (1913). *Essai sur le vocalisme du sogdien*. Paris: Librairie P. Geuthner.
- Genko, A. N. (1930). Iz kul'turnogo proshlogo ingushei [From the Cultural Past of the Ingush]. *Zapiski kollegii vostokovedov pri Aziatskom Muzei AN SSSR*, 5, 681–761.
- Gershevitch, I. (1955). Word and Spirit in Ossetic. *Bulletin of the School of Oriental Studies*, 17, 478–489.
- Gershevitch, I. (1960). [Review of *Eine Wörterliste der Jassen, der ungarländischen Alanen* by J. Németh]. *Bulletin of the School of Oriental Studies*, 23, 595–596.
- Gertsenberg, L. G. (1972). *Morfologicheskaia struktura slova v drevnikh indoiranskikh iazykakh* [The Morphological Structure of the Word in the Ancient Indo-Iranian Languages]. Leningrad: Nauka.

- Gnoli, G. (1998). Two Historical Questions Relating to the Alans and the Mountains. In *Studia Iranica et Alanica. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovič Abaev on the Occasion of His 95th Birthday* (pp. 161–167). Rome: Ist. italiano per l’Africa e l’Oriente.
- Gnoli, G. (1989). *The Idea of Iran*. Rome: Serie Orientale Roma.
- Griunberg, A. L., & Edelman, D. I. (1987). Afganskii iazyk [The Afghan Language]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Novoiranskii iazyki: vostochnaia grupa* [Fundamentals of Iranian Linguistics. New Iranian Languages: Eastern Group] (pp. 6–154). Moscow: Nauka.
- Harmatta, J. (1970). *Studies in the History and Languages of the Sarmatians*. Széged: Ed. Kultura.
- Jacobsohn, H. (1922). *Arier und Ugrofinnen*. Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht.
- Khromov, A. L. (1987). Iagnobskii iazyk [The Yagnobi Language]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Novoiranskii iazyki: vostochnaia grupa* [Fundamentals of Iranian Linguistics. New Iranian Languages: Eastern Group] (pp. 644–701). Moscow: Nauka.
- Klein, L. S. (1975). Legenda Gerodota ob aziatskom proiskhozhdenii skifov i Nartskii epos [The Legend of Herodotus about the Asian Origin of the Scythians and the Narta Epic]. *Vestnik drevnei istorii*, 4, 14–27.
- Knobloch, J. (1991). *Homerische Helden und christliche Heilige in der kaukasischen Nartenepic*. Heidelberg: Carl Winter.
- Kuznetsov, V. A. (1980). *Nartskii epos i nekotorye voprosy istorii osetinskogo naroda* [The Narta Epic and Some Issues in the History of the Ossetian People]. Ordzhonikidze: Ir.
- Kuznetsov, V. A. (1992). *Ocherki istorii alan* [Essays on the History of the Alans]. Vladikavkaz: Ir.
- Lebedinsky, Ya. (2016). *Alany i sarmaty v Gallii IV–V vv.: istoriia i nasledie* [Alans and Sarmatians in Gaul in the 4th–5th Centuries: History and Heritage]. Vladikavkaz: Proekt-Press.
- Lebedinsky, J. (2000). Des noms et des peuples. Les noms ethniques des Ossètes et de leurs ancêtres. *D’Ossétie et d’alentour. Bulletin de l’association ossète en France*, 8, 4–17.
- Littleton, S. C., & Malcor, L. A. (2007). *Ot Skifii do Kamelota* [From Scythia to Camelot]. Moscow: Menedzher.
- Mayrhofer, M. (1953). *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen* (Vol. 1). Heidelberg: Carl Winter, 1953.
- Miller, V. (1962). *Iazyk osetin* [Language of Ossetians]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Miller, V. F. (1887). *Osetinskie etudy* [Ossetian Studies] (Vol. 3). Moscow: [s.n.].
- Noli, G. (2002). *Nazvanie alan v sasanidskikh nadpisiakh: lingvisticheskie i istoricheskie razmyshleniia po povodu protivopostavleniia Irana vneshnego i Irana vnutrennego* [The Name of the Alans in Sasanian Inscriptions: Linguistic and Historical Reflections on the Opposition of the Outer and the Inner Iran]. Vladikavkaz: Ir, 2002.
- Oransky, I. M. (1979). Vvedenie [Introduction]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Drevneiranskii iazyki* [Fundamentals of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 10–128). Moscow: Nauka.
- Oransky, I. M. (1988). *Vvedenie v iranskuiu filologiu* [Introduction to Iranian Philology] (2nd ed.). Moscow: Nauka.
- Rastorgueva, V. S., & Edelman, D. I. (1982). Gilianskii, mazanderanskii (s dialektami shamerzadi i velatru) [Gilaki and Mazandarani (with the Dialects Shahrizadi and Velatru)]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Novoiranskii iazyki: zapadnaia grupa, prikaspiiskii iazyki* [Fundamentals of Iranian Linguistics. New Iranian Languages: Western group, Caspian languages] (pp. 447–554). Moscow: Nauka.
- Rastorgueva, V. S., & Edelman, D. I. (2000–). *Etimologicheskii slovar’ iranskikh iazykov* [Etymological Dictionary of Iranian Languages] (Vol. 1–). Moscow: Vost. lit.
- Rossi, A. V. (2000). L’iscrizione originaria di Bisotun: DB Elam. A+L [The Original Description of Bisotun: DB Elam. A+L]. In S. Graziani (Ed.), *Studi sul vicino oriente antico dedicati alla memoria di Luigi Cagni* (Vol. 4, pp. 2065–2107). Naples: Istituto Universitario Orientale di Napoli.

- Russell, J. R. (2006). Argawan: The Indo-European Memory of the Caucasus. *Journal of Armenian Studies*, 8/2, 110–147.
- Shegren, A. M. (1844). *Osetinskaia grammatika s kratkim slovarem osetinsko-rossiiskim i rossiisko-osetinskim* [Ossetian Grammar with a Concise Ossetian-Russian and Russian-Ossetian Dictionary]. St Petersburg: Imp. Akad. nauk.
- Shegren, A. M. (1998). *Osetinskie issledovaniia* [Ossetian Studies]. Vladikavkaz: Izd-vo SOGU.
- Sköld, H. (1925). Die Ossetischen Lehnwörter im Ungarischen. *Lunds Universitets Årsskrift*, 20(4), 1–114.
- Steblin-Kamensky, I. M. (1982). *Ocherki po istorii leksiki pamirskikh iazykov. Nazvaniia kul'turnykh rastenii* [Essays on the History of the Pamir Languages. Names of Cultivated Plants]. Moscow: Nauka.
- Szemerényi, O. (1977). *Studies in the Kinship Terminology of the Indo-European Languages*. Leiden: Brill.
- Szemerényi, O. (1980). *Four Old Iranian Ethnic Names: Scythian — Skudra — Sogdian — Saka*. Vienna: Scripta Minora.
- Thordarson, F. (1986). An Ossetic Miscellany: Lexical Marginalia. In E. Kahrs (Ed.), *Kalyānamitrārāganam. Essays in honour of Nils Simonsson* (pp. 277–286). Oslo: Norwegian University Press.
- Thordarson, F. (1989). Ossetic. In R. Schmitt (Ed.), *Compendium Linguarum Iranicarum* (pp. 456–479). Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Thordarson, F. (1998). Gallia Alanica. In *Studia Iranica et Alanica. Festschrift for Prof. Vasilij Ivanovič Abaev on the Occasion of His 95th Birthday* (pp. 483–498). Rome: Ist. italiano per l’Africa e l’Oriente.
- Tokhtasyev, S. R. (2013). Iranskie imena v nadpisiakh Ol’vii I–III vv. n. e [Iranian Names in the Inscriptions of Olbia of the 1st–3rd Century AD]. In S. R. Tokhtasyev, & P. B. Lurye (Eds.), *Commentationes Iranicae. Sbornik statei k 90-letiiu V. A. Livshitsa* [Commentationes Iranicae. A Collection of Papers to the 90th Anniversary of V. A. Livshits] (pp. 565–607). St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Tsabolov, R. L. (1999). Osetinskie etimologii. II [Ossetian Etymologies. II]. *Issledovaniia po iranskoj filologii*, 2, 146–152.
- Tuallagov, A. A. (2001). *Skifo-sarmatskii mir i Nartovskii epos osetin* [Scythian-Sarmatian World and the Narta Epic of Ossetians]. Vladikavkaz: Izd-vo SOGU im. K. L. Khetagurova.
- Yusufbekov, Sh. P., & Dodykhudoeva, L. R. (2008). Sanglichskii iazyk [The Sanglechi Language]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Sredneiranskie i novoiranskie iazyki* [Fundamentals of Iranian Linguistics. Middle Iranian and New Iranian Languages] (pp. 110–234). Moscow: Vost. lit.
- Zaliznyak, A. A. (1963). O kharaktere iazykovogo kontakta mezhdru slavianskimi i skifo-sarmatskimi plemenami [On the Nature of Linguistic Contact between the Slavic and Scythian-Sarmatian Tribes]. *Kratkie soobshcheniia Instituta slavianovedeniia AN SSSR*, 38, 3–22.

Received 18 February 2019